

Юлиан КРАЧКОВСКИЙ

ЖИЗНЬ И ПРАЗДНИКИ КРЕСТЬЯН ЗАПАДНОЙ РУСИ

Неведомая Русь

Юлиан Крачковский

**Жизнь и праздники
крестьян Западной Руси**

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 9(476)
ББК 63.5(2)

Крачковский Ю. Ф.

Жизнь и праздники крестьян Западной Руси /
Ю. Ф. Крачковский — «ВЕЧЕ», 2026 — (Неведомая Русь)

ISBN 978-5-4484-5957-3

Перед вами — важнейший этнографический труд выдающегося русского и белорусского педагога, историка Ю. Ф. Крачковского (1840—1903). Впервые книга была издана в 1874 году Императорским обществом истории и древностей российских при Московском университете, став одной из первых в своем роде. В ней автор предстает как поэтичный знаток народной жизни, разворачивающий широкую картину повседневного народного быта, от свадебных обрядов до особенностей питания, праздничных обычаев и фольклора. В современной орфографии издается впервые.

УДК 9(476)

ББК 63.5(2)

ISBN 978-5-4484-5957-3

© Крачковский Ю. Ф., 2026

© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

К изданию 2026 года	6
Статья первая	9
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Юлиан Крачковский
Жизнь и праздники
крестьян Западной Руси

© Ермаков С., предисловие, 2026

© ООО «Издательство «Вече», 2026

* * *

К изданию 2026 года

Юлиан Фомич Крачковский (1840–1903) относился к числу тех уникальных людей, к которым в полной мере можно отнести выражение «человек, который сделал себя сам». Выходец из простой крестьянской семьи деревни Озяты Кобринского уезда Гродненской губернии, он рано остался без отца и был отправлен в пономарскую школу в Тороканьский монастырь. Как оказалось, мальчик обладал недюжинными музыкальными и вокальными способностями, что существенно облегчило ему учебу в духовном училище, или, в просторечии, «бурсе» – в Виленской семинарии.

Ю.Ф. Крачковский – председатель Виленской Археографической комиссии

Кроме того, молодой Крачковский оказался настойчив в учении и упорно занимался самообразованием, по собственной инициативе освоил несколько иностранных языков и достаточно глубоко погрузился в разные науки. В 1861 году Юлиана за рвение к учебе отправляют в Санкт-Петербургскую духовную академию. В столице студент Крачковский становится одним из любимых учеников профессора Михаила Кояловича, водит дружбу с Николаем Костомаровым и знаменитым славянофилом Иваном Аксаковым. После завершения учебы он отказывается от духовной карьеры и выбирает стезю ученого и педагога. Он достиг на избранном пути немалых успехов, дослужившись до чина действительного статского советника, 4-го в Табели о рангах, получив тем самым потомственное дворянство.

Закончив учебу в звании магистра, он начинает работу простым учителем русского языка в Молодечненской учительской семинарии в 1865 г. Служил инспектором народных училищ

Виленского учебного округа, был первым директором Полоцкой учительской семинарии. В 1884 г. был выслан на четыре года в Туркестан, после того как власти выявили показавшиеся подозрительными белорусские кружки в руководимом им учебном заведении. Впрочем, и здесь Ю. Ф. Крачковский также был не на последних ролях, работая директором Туркестанской учительской семинарии.

Вернувшись в 1888 г. на родину, Юлиан Фомич почти до самого конца жизни руководит известной Виленской комиссией для разбора и издания древних актов, изучает их, пишет к ним предисловия.

Летом 1903 г. Ю. Ф. Крачковский скоропостижно скончался от сердечного приступа. Однако его научное наследие не забыто до сих пор. Он стал одним из первых этнографов Западнорусского, как говорили тогда, края, то есть современной Белоруссии. Его работы на эту тему были изданы еще в первые годы карьеры ученого и педагога, в 1868–1874 гг. Их отличает внимание к мелочам, несомненное уважение к простому народу, выходцем из которого был сам Крачковский, глубокое знание предмета.

Эти качества, кстати, Юлиан Фомич передал по наследству. Его сын, академик Игнатий Юлианович Крачковский, был одним из выдающихся советских востоковедов, одним из создателей школы советской арабистики, вице-президентом Географического общества СССР, переводчиком Корана на русский язык.

Не забыто и имя самого Ю. Ф. Крачковского. Сегодня в деревне Озяты Жабинковского района Брестской области есть улица его имени и мемориальная доска.

Важнейшим из трудов Ю. Ф. Крачковского (как охарактеризовал книгу словарь Брокгауза и Ефрона, «сочинение, имеющее большое значение для этнографии Сев. – Зап. края») считают небольшой труд «Быт западнорусского селянина», изданный в 1874-м Императорским обществом истории и древностей российских при Московском университете. В нем автор предстает как поэтичный знаток народной жизни, разворачивающий широкую картину повседневного народного быта, от свадебных обрядов до особенностей питания, праздничных обычаев и фольклора.

В белорусской деревне. Фото И. Сербова, 1911–1912 гг.

Настоящее издание сохраняет все основные особенности авторского стиля, хотя и приведено к современной орфографии. После долгих раздумий мы решили максимально сохранить авторский стиль и манеру передачи им специфических слов и особенностей их произношения. Автор приводит множество записей текстов народных песен, что вполне понятно, учитывая его музыкальную подготовку. Часть этих песен заинтересованные читатели могут и сегодня услышать в аутентичном исполнении, озадачившись поиском этнографических записей. В этом случае, поверьте, впечатление от знакомства с ними будет более полным.

С. Ермаков

Статья первая

Свадьба – одно из важнейших событий в жизни человека, потому, нужно думать, характер крестьянина нигде не обрисовывается так выкупно, как в настоящем случае. Здесь вы встречаетесь с длинным рядом приличий, примет, заговоров, приговоров и разных, обрядов, основанных на суеверных верованиях, и сохрани Бог опустить, не сделать чего-нибудь из того, что, как святыня, передавалось из рода в род, исполнялось при отцах и дедах, «давным-давно бывало», постоянные несчастья, вечные неудачи, а, пожалуй, и неблагоприятие Божие будут преследовать, по мнению селян, до гробовой доски такого нарушителя седой старины. Впрочем, в настоящее время многое селянами оставляется, не исполняется. Теперь, как говорят они, «новый свет», старина уступает ему свое место. Книга, школьная лавка, образование играют в этом не последнюю роль. Что мы будем говорить, нужно относить преимущественно ко времени до 1868–1869 годов, когда мы собирали настоящие данные.

Свадьба в сельском быту не дело прихоти, роскоши и менее всего имеет в виду удовлетворить какому-нибудь внутреннему чувству любви. Селянину-хозяину, или если он намерен быть самостоятельным хозяином, плохо жить своим домом без хозяйки; даже и без этого появление в семье новой, здоровой, молодой, силы составляет уже важное приобретение: работа может пойти скорее, дружнее:

Ой час, пора, мати,
Дружины шукати,
Посеяв я жито,
Нема кому жати,
Иде ночка темна,
Ни с кем розмовляти.
– Ой машь ты, сынку,
Коня вороного,
Пойди до стаеньки,
Розмовляй до ёго;
Дай коневе сена
По самы колена,
Дай ёму оброку
До самого боку.
– Ой конь оброк изъесть,
На сенове ляже,
А мне, молодому,
Правдоньки не скаже

(Сборн. пам. нар. творч. в СЗ крае).

Или:

Ой у тебе, коню,
Жовтый хвост и грива,
Бежи дорогою,
Де моя девчина!
– Вже тая дорога
Черетом заросла,
Вже тая девчина

Давно замуж пошла.
Ой пошли косари
Той черет изжали,
Вже твою девчину
Инши хлопци взяли.
– Я тую дорогу
Рожею отычу,
Я свою девчину
И к себе прикличу.

Или:

– Дуб на березу чого похилився?
Молодой козаче, чого зажурился?
– Я зажурился, що не оженился.
Жени мене, мати, сына молодого,
Коли не женишь, я сам оженюся.
– До коляд, сынку, до коляд, Васильку!
– Ой далеко, маты, колядов чекати.
Ой, посею жита, не с кем позбёрати;
Накосив я гречки, не с кем позвязати:
Осённая ночка, не с кем розмовляти.
– Ой до коня, сынку, до коня, Васильку!
– Ой я до коника, коник не говорить,
Ой я до сивого, сивый не проловить.

(Piosenki gminne ludu Pińskiego. Zienkiewicz, s. 284).

Хлопец и дивчина, фото Б. Тышкевича, 1893 г.

«Будзем жениць сына, бо работы много», – рассуждают обыкновенно родители-селяне. «Кали я ее всю параблю?» – продолжает хозяйка. «Треба, як той казав, и пашиць, и другое дещо что-нибудь зробиць. Ты бачиць, що я адна кидаюся, кидаюся, а памачи некому; добро да гатуль я гаровала, а цяперь уже выбилась с силы; да на докуль же мне и быць дужой!»
(*Чересы Диснен. уезда Вилен. губ.*).

Стало быть, приискивая невесту, более всего обращают внимание на то, чтобы она не была, что называется, белоручка, была бы работящая, здоровая, и тем лучше, если при этом еще с достатком. Обращать, впрочем, внимание на деньги считалось признаком барства, пребывания во дворе у помещика, заслуживало презрения. В песне поется:

– Каб цябе свалила маланка!
Чаму не хочеш Сцяпанка?
Ци ион цябе ня кахае,

Ци ион розуму ня мае?
– Дак што ж, што ион мяне кахае,
Кали ион гроши ня мае?
Кали ион ня мае гроши,
И сам ня вельми хороший?
– Каб цябе спалила маланка,
Що грош любишь, ня Сцяпанка?
Не дармо дворски хлеб ела,
Паняй быць захацела!

(Pioseńki wieśniackie z nad Niemna I Dzwiny, s. 123–124).

Или:

Да у месяца два ражки крутые,
Да Янечки два браты радные;
Адзин брахна каня сядлаець,
А други брахна яго навчаець:
«Да будзь, брахна, разумненьки,
Да паедзешь, брахна, у чужие людзи,
Выйдзець к цябе танок дзевок;
Ня бяри таей, што у залоце,
Да бяри тую, што у разуме;
Мы залота у краме да станем,
Мы разуму свайго ня уставим»

(Opisanie powiatu Borisowskiego. 300, s. 336).

При всем богатстве Козака на него «неславонька», по словам песни, «за то, що робити не знае»

(Сборн. пам. нар. творч., СХХХІІІ).

Вследствие такого установившегося взгляда на свадьбу сама она не должна совершаться в такое время, когда служила бы помехой для работы в хозяйстве. С другой стороны, необходимо, чтобы на свадьбе был во всем достаток, а, пожалуй, даже и излишество. По общему верованию, если свадьба совершалась при торжественной, богатой, обстановке, то и молодые в своей жизни не будут чувствовать нужды. Таким образом, время между Покровом Пресвятой Богородицы и первой неделей Филиппова поста почитается у селян самым благоприятствующим для свадеб (Ср. Opis. Pow. Boris. S. 347). Тогда все полевые работы покончены и есть более или менее достаток во всем; это время селяне в некоторых местах называют «богатым» и нередко прибавляют: «Слава Богу! Есть за что горелки купить; можно сына женить. Осенью и коркюшки (кусок бревна) – мясо», – говорят они в том смысле, что везде всего вдоволь и за нужным не придется ходить за тридевять земель, в тридесятое, царство (Каменец Брестск. уезда Гродн. губ.).

Тревожнее, сильнее прежнего начинает биться сердце молодой девушки невесты по мере приближения осеннего, зимнего времени, потому что это обычная свадебная пора. Много неглубоких, но сердечных дум передумала она о своей доле. Наскучило, надоело ей быть постоянно в услужении у своих родителей; не нравится ей эта половинная, как бы несамостоятельная, жизнь, и ей, смотря на других, самой хотелось бы быть полной хозяйкой, и она, подобно птичке в клетке, рвется не вырвется в эту очаровательную область свободы, с которою давно,

очень давно, познакомили ее песни. Слова песни в ее устах могут быть приняты в настоящем случае в буквальном смысле за сердечное излияние ее собственных чувств. Сельская девушка не находит для себя более приличной, более уместной и соответственной формы для выражения своего внутреннего состояния, как:

Горе мое, горе, неопасная доля,
Поорала девчинонька мысленьками поле,
Черными очима да й заволочила,
Друбненькими слезоньками все поле зросила!
Цвете гречка, цвете, да й цвет опадае:
А вже жь мене муй миленький на век покидае.
Ой летела птиця, распустивши крыльця:
Ах нема и не руде мого чорнобривця!
Ой летела пава, в садоньку упала:
Ах нема и не буде, кого я кохала!
Ой ты, сивый орле, высоко летаешь,
Возми жь мешна свы крыльця, занеси, де знаешь!

(Сборн. пам. нар. творч., песня XXXI).

Ня хадзи, Косю, у зялений сад,
Ня пей, Косю, ключевой вады,
Ня ешь, Косю, зяленой травы!
У ключа дзевка умывалася,
Красоце сваей дзивавалася:
– Красата ты моя, красотушка!
Да каму, красата, ты дастанешься:
Чи дварянину, чи мещанину,
Чи гетому гостю приезжему?
– Ни дварянину, ни мещанину,
Ни гетому госцю приезжему
– Грабавым даскам, жовтым лясочкам.

(Там же, песня XXXIX).

По садоньку похожаю,
Сама себе розважаю,
На доленьку нарекаю:
Нема того, що кохаю,
Нема, нема и не буде,
Одраили вражи люде,
Одраили, одмовили,
Щоб мы в паре не ходили
И друг дружка не любили!
Ой пойду я до болота,
Там плавают каченьята:
Одно друге погоняе,
Кожне собе пару мае;
На що в мене только кары,

Що мне не дав Господь пары,
А ни пары, ни пароньки,
А ни счасця, ни доленьки!
Пойду з горы утоплюся,
Чи о камень розобьюся,
Нехай люде переймають,
Як без счасця пропадають!

(Ралованичи Брестск. уезда Гродн. губ.).

Много, конечно, и других весен поют девушки в настоящем случае; мы привели только некоторые для образца.

Сельские девушки не предаются одному безнадежному ожиданию. Правда, они очень часто поют:

Ой не видно того села, только видно поле:
Ой Бог знае, Бог ведае, де мое буде горе.
Ой не видно того села, только видны кресты:
Ой туды мне любо, мило, оченьки подвести.
Ой не видно того села, только видно грушу:
Як я гляну в ту сторону, то й плакати мушу.

Белорусская хата. Фото 1898 г.

Чтобы, однако, сколько-нибудь уяснить себе свою неизвестную, туманную, будущность, узнать, по крайности, место жительства будущего мужа, девушки в некоторых местах при каждом удобном случае гадают о своем суженом-ряженом. Канун Нового года известен здесь под именем Богатой кутьи или Щедрого вечера. В это время, с одной стороны, можно без спросу,

тайком, брать взаимно разные вещи, конечно, с тем, чтобы отдать их на следующий день: чем ловчее совершится это похищение, тем более чести похитителю. Девушки стараются брать вещи у парней. Ложась спать, они кладут эти вещи себе под голову. Если они приснятся им, это считается хорошим признаком; с другой – устраивается, по возможности, роскошный ужин (богатый); к ужину, между прочим, готовят и кашу, которую при варении мешают нарочно приготовленную лопаткой (у селян – «копыстью»). Девушки берут эту «копысть», на которой, конечно, находятся остатки каши, выходят с нею на улицу и начинают очищать ее. Если в это время залает собака, то, по мнению селян, это верный признак, что в том месте есть жених. Прибегают и к другому средству: берут башмак и со всех сил бросают его на улицу; потом рассматривают, куда обращен он своею переднею стороною: там, значит, придется быть замужем (обычай, кажется, общерусский). Еще берут три сосуда: под один кладут хлеб, под другой – щетку, а под третий – кольцо. Одной из присутствующих девиц, невесте, завязывают глаза: она должна подойти к которому-нибудь сосуду и вынуть положенную туда вещь. Если попадет на сосуд, под которым находится кольцо, ей, значит, придется выйти замуж за «молодца»; если возьмет сосуд с хлебом, выйдет за «богатого»; в последнем случае в женихи девушка должна ожидать для себя «вдовца» (Докшицы Борис. уезда Минск. губ.).

Нужно заметить, что девушки вообще боятся иметь мужем вдовца. Им думается, что вдовец уж непременно злой человек, пьяница, разбойник, человек без всяких мягких, нежных чувств. Вот как поют они по этому случаю:

Не дай мене, моя матонька, за вдовця,
 Бо вон выпоре нашиванечко з рукавця;
 Выпоровши, до корчмоньки занесе,
 Пришовши з корчмы, за головоньку потрясе.

(*Озяты Кобрин. уезда Гродн. губ.*).

Или:

Балиць мая галоука ад венца,
 Ня аддавай, мой татечка, за удауца,
 Аддай мяне, мой татечка, у сямью,
 У сямьи есць парадачек усяму:
 У истопки таучц, малоць – залруки,
 Дзяжу мясиць, хату тапиць – ятроуки,
 А у криницу на вадзицу – я, маладая.

(*Opis. Boris. pow. S. 332*).

Но, так как этот вопрос для девушек составляет вопрос жизни и смерти и так как опыт говорит им, что некоторым все-таки приходится выходить за вдовцов, следовательно, так уже на роду написано, такая уж доля, то, чтобы хотя несколько успокоить себя с этой стороны, они опять прибегают к гаданиям. В тот же самый «Богатый» или «Щедрый вечер» отыскивают большой забор, сделанный из частокола, в котором по меньшей мере было бы 100 кольев. Нашедши такой забор, начинают гадать. Способ гадания очень простой. Первый попавшийся кол называют «молодец», а следующий за ним – «вдовец», третий – опять «молодец», а четвертый – «вдовец» и т. д. Если последний кол будет «вдовец», быть, значит, гадающей девушке за «вдовцом»; в противном случае ее жених будет «молодец» (Каменец Брестск. уезда Гродн. губ.).

У колодца. Брестская область. Фото 1912 г.

Любопытство девушки на этом не останавливается: оно не знает пределов, и ей хотелось бы, по крайней мере в мечтании, во сне, увидеть своего любезного дружка. И для этого услужливые бабушки придумали верное, по их мнению, средство. На пятой неделе Великого поста, в среду вечером, когда читается Канон св. Андрея Критского; девки, собирающиеся гадать о своем милом, отправляются вместе с другими в церковь: усерднее обыкновенного начинают они молиться Богу, чтобы таким образом, призвав его в помощь, лучше успеть в своем предприятии. Самое это богослужение известно в народе под именем «Андреева достоинства». По окончании богослужения девки возвращаются по домам и тут, ложась спать, рассыпают на своей постели заблаговременно приготовленную «горсть льняного или конопляного семени»; при этом девушка говорит следующие слова: «На тебе, святой Андрию, лен сею; Дай, Боже, знати, с кем буду горе горевати!» Теперь они засыпают в полной уверенности, что им в эту ночь непременно явится во сне их суженый. Для большего успеха в деле любви девушки и парни обращаются иногда к ворожеям-цыганкам и у них просят помощи. В песне поется:

Цыганы стояли,
А меж теми цыганами
Цыганка-воружка,
А до теи цыганочки
Бытая доружка.
– Цыганочка, вороженько,
Учини мне волю:
Чи не стане девчинонька
До шлюбу зо мною?
Цыганочка, вороженька,
Волю учинила,
Сывому коникове гриву устригла.

– Бодай тебе, девчинонько,
Вся семья любила!
Коню мой, коню.
Золотая грива,
Бежи, мой коню, Де моя мила!

(Сборн. пам. нар. творч. в СЗ крае, СХХХІІІ; ср. ХХV).

Впрочем, подобные свои стремления, внутренние задушевные тайны девушки, по возможности, стараются спрятать, скрыть от глаз зорко следящих за ними «молодцов»; если последние забываются иногда, выказывают свое пред ними преимущество в замужестве, указывают для девушки единственное спасение, то в ответ на это они всегда услышат песню, где выставляется тяжелая сторона брака, неразлучные с ним заботы, хлопоты:

Не руби сосны, бо не хилитця:
Не пойду замуж, бо не хочетця.
Зрубали сосну, похилилася:
Як вышла замуж, зажурилася.

Или:

Ой у качора да злоте перо,
А у павоньки влосы:
Ой не заживет жадна невеста
Да у всёсенькой роскоши.
Свекерко ходить по новых сеньях,
Невесту обучае:
– Встань, невесто, встань, молодая,
Уже двое курей пело!
Невеста встала да заплакала,
Рученьки заламала:
– Ах, Боже мой да милосенький!
Чого же жь я да дочекала?
У матули была, як рожа цвела.
На всякой роскоши: курей не чула,
Зорев не знала, робота пороблена:
А як пришла да до милого,
– На великое горе куры почула,
Зори познала, робота не зроблена!

(Сборн. пам. нар. творч. в СЗ крае, ССІІ; ср. ССХLХ).

Но во всяком случае желание выйти поскорее замуж составляет одно из заветных, сердечных, желаний каждой девушки. «Хвартуше, злый душе, – говорит поговорка, – просымо Бога я и ты, щоб хучий мне замуж понты» (Радованичи Брестск. уезда Гродн. губ.). «Новое сытко на колочку висит»; и потому девушки в высшей степени недовольны бывают своими родителями, если те, по каким-нибудь соображениям, откладывают время их свадьбы. «Одложив хвост (говорят о собаке), як батько весёлля на пост», – слышится от них часто по этому случаю. Девушки страшно боятся заслужить укоризненное название «Девоцький Король», и уж тут не бывает обыкновенно никакого разбора при выборе женихов:

Сякий, такий, мужичина,
Абы дрова, не лучина;
Сякий, такий, абы був,
Хлеба й соли роздобув!..

Или:

Хочь за ола, абы дома не була...

Или:

Святая Покровонько,
Накрый мене головоньку,
Та хочь бы вже и онучью,
Най ся довго девкой не мучу!

Мы сказали уже, что осеннее и зимнее время возбуждает отрадные, утешительные, надежды. Применительно к этому существуют разного рода поговорки и даже своеобразные молитвы. С сентября месяца начинает слышаться между девушками: «Иван Богуслав (Иоанн Богослов – 26 сентября) дружки (по другим – девоснубы) розослав, а Покрова – девка готова». Особенно праздник Покрова Пресвятой Богородицы (1 октября) и вообще богородичные праздники (в осеннее и зимнее время) пользуются большим уважением у девиц. На Покров они нередко ставят свечи перед образом, приговаривая: «Святый Покров! Покрыв землю и воду, покрый и мене молоду!» (Озяты Кобр. уезда Гродн. губ.). Или: «Св. Покров! Покрый землю листом, а мене, молоду, чепцом!» (Дисн. узд), и стараются провести этот день в возможном веселье, в той мысли, что «Покров весело провести – значит дружка знайти».

Прим. У всех славянских народов соединяется такое значение с этим праздником. «Батюшка Покров, – говорят в Великороссии, – покрой сыру землю и меня, молоду! Другие говорят: «Бел снег землю покрывает: не меня ли молоду замуж снаряжает?» Или: «Ты Покров, Богородица, покрой меня, девушку, пеленой своей нетленной ити на чужую сторону!»; «Введение, Мать Богородица! Введи меня на чужую сторонушку!»; «Сретенье, Мать Богородица, встреть меня на чужой сторонушке!».

Молодая женщина в праздничном наряде (вид сзади), с левой стороны у открытого окна избы стоит молодая девушка. С. Лучицы, Мозырский у., Минская губ. Фото А. Сержпутовского, 1906 г.

Вопрос о женитьбе в сельском быту поднимается снизу. Родители дали детям жизнь: они должны позаботиться и обставить их в жизни, должны подумать и о милом для них дружке. Сами родители, селяне, смотрят так на свою задачу, и редко она поставляется иначе. Сын достиг совершеннолетия, и родители надумали женить его. Конечно, если нет родителей, то о женитьбе подумывает он сам, советуясь с своими родственниками. Объявив сыну о намерении женить его, родители иногда спрашивают у него, не имеет ли он на примете для себя невесты? Получив утвердительный ответ, они говорят ему:

Оженися, сынку, вазьми сабе жонку,
Вазьми сабе жонку хоць вдавину доньку;
Только самавольницы ня бяри,
И нашой хаты ня разари,

А бяри ты работницу,
Каторая бы дом свой шановала,
Дом свой сберегала,
А не то, чтобы спиной угол падпирала,
И нас старых за воротник на бел свет вытолкала!

(Чересы Дисн. уезда Вилен. губ.).

Или:

А усе луги пакуошоны,
А муое сено убрато,
Пытаецця сын матуоньки,
Куоторую узяци?
– Ой чи тую, матуленьку,
Што ручоньки тлусты?
– Сам уважай, людзей пытай,
Чи попере хунты.
– Ой чи тую, матуленьку,
Што личенько бело?
– Сам уважай, людзей пытай,
Чи напече хлеба?
– Ой чи тую, матуленьку,
Што гладка у тануочку?
– Сам уважай, людзей пытай,
Чи зробіць сароучку.
– Ой чи тую, матуленьку,
Што головка гладка?
– Сам уважай, людзей пытай,
Чи мецена хатка?

(Сборн. пам. нар. творч. в СЗ. крае, СХ).

Иногда родители считают священным долгом указать неопытному сыну, помимо его ведома, и невесту, которой, быть может, он и не видал; о расположении, внутренних чувствах тут уж и речи быть не может:

– Янечка маладзеньки,
Куды ты радзишся:
Чи у госци, чи у дарожку?
– Да не сам я ражуся,
Радзиць мяне мой татечка,
Ни у госци, ни у дарожку,
К песцятку на подворья,
К Агатце на застолья.

(Opis. pow. Boris. S. 301).

Или:

О Боже мой да милосенький,
Нихто правды не скаже:

Сама я не знаю,
Мне люди не скажут,
С кем мене matka свяже!

(Сборн. пам. нар. творч. в СЗ крае, песня ССХХХVIII).

Очень редко подобные браки имели хорошие последствия: внутренний разлад, постоянная нелюбовь, взаимное желание избавиться друг от друга наполняло жизнь таких несчастных супругов. Вот как описывается в песне эта мрачная картина:

Няй вяже, да няхай вяже,
Да на сваю нядолю,
А як мне придзе
Да и з ним быци,
То я з мосту и в воду!
– Ой не тапися, моя донюшку,
Бо ты душу загубишь. —
А ще 'м бо я, мая матушка,
Да никакого ня любила,
Да каб я рочок, да каб другий,
Да дзевкаю пахадзила!
Ой намачивши канаплюшку,
Да треба выцягаци:
А женившись с вяликим нядбайлом
Треба век прападаци!

(Сборн. пам. нар. творч. в СЗ крае, песня ССХХХVIII).

Или:

Ой ты, сухой дубе,
Чом ты не зеленый?
Молодый козаче,
Чом ты не веселый?
– Ой як же мне, дубу,
Зеленому бути?
Так и мне, козаку,
Веселому бути!
Чужий жоночки
Як перепёлочки,
А моя невдала
Мне свит завязала.
Як возьму невдалу
За белую ручку,
Та вкину, невдалу,
У быструю речку.
Як возьму, невдалу,
За белый боки,
Та вкину, невдалу,
У Дунай глубокий.
Ой плывы, невдала,

Тихую водою:
Не було мне житья
Доброго з тобою!

(Радованичи Брестск. уезда Гродн. губ.).

Если свадьба совершается по обоюдному согласию с сыном, тогда относительно выбора невесты выполняются разного рода местные обыкновения, условия. Еще заблаговременно родители просят своих знакомых сватать или «раиць» им хорошую, трудолюбивую девицу. Кроме того, разного рода игрища, посиделки, досветки или вечерницы, побывание парня в местечках или деревнях много способствует ему в выборе будущей подруги в его жизни. Прежде всего бывают «допиты», «допытины», «первая или малая горелка», «малые запоины», «малые заручины». Кстати заметим здесь, что очень трудно уследить все разнообразие обычаев в разных местах. Что город, то нор; что деревня, то обычай. Мы старались уловить и представить более или менее общее в некоторых местностях. Часто одно и то же в различных местностях имеет различные названия. Что, например, у одних известно под именем «допытын», у других совершается под именем «малых запоин», «малой горелки», «малых заручин». Дело, впрочем, тут не в названии.

Обыкновенно бывает так: мать или же ближайшие родственники невесты, которые поопытнее и умеют говорить побойчее, отправляются к родителям намеченной девушки «в сваты», цель их – просватать своего молодца и с точностью узнать, согласны ли родители невесты и сама невеста выйти за ихнего жениха. В некоторых местах «в сваты» родственниками жениха приглашается лицо известных лет (напр., 40 лет). Сват помоложе не мог бы возбудить к себе того доверия и внимания, которое требуется самым делом; сват постарее был бы не в силах выказать той мощи, живости, подвижности, которая требуется при выполнении возлагаемых на него обязанностей. В целом селе одно и то же лицо бывает иногда как бы записным уже сватом для всего своего околотка: для такой личности название «сват» делается уже собственным именем (Борисов. уезда Минск. губ.).

Девушки, которые поджидают к себе сватов, постоянно обнаруживают уже какую-то беспокойную деятельность. Особенно это можно замечать по четвергам и субботам, дни, в которые большею частью открывается сватовство. Чистота комнаты, ее опрятность, обращает на себя большое внимание дочери-невесты хозяина. Самым тщательным образом моются столы, лавы, полки, домашняя посуда, несколько раз выметается изба. Девушка-невеста надевает белье белее обыкновенного, тонкое и белое, принаряжается в белую юбку, подпоясывает «картушок», а голову повязывает платочком, из-под которого виднеется коса, заплетенная обыкновенно красною лентой. Нужно стараться, чтобы во всем этом уборе виднелась обычная якобы повседневность (Opis. row. Boris. S. 347, 348).

Отправляясь к родителям невесты, сваты берут небольшую, в два-три фунта булку хлеба, несколько бутылок пива или водки. Пришедши туда, они начинают вести речь разного рода притчами, загадочно, вроде, напр., следующего: «Что, вот, мол, у них есть гусак, а нет гуски: не найдут ли они последней у них, чтобы таким образом обоим им жить вместе?» Или же: «Не прибиласьли к ним ихняя уточка или овечка?» Иногда выражаются и прямее: «Наш бык, – говорят они, – к вашей телушке привык; как бы дал Бог дождать вашу телушку к нашему быку загнать!» Сватьев упрашивают сидеть: «Спасибо, – говорят они, – дома сидели, ничего не высидели, а что будет, если еще сидеть будем?» Этим сваты намекают, чтобы невесты не засиживались дома в девушках (Озяты Кобр. уезда Гродн. губ.).

Невеста из-под Слуцка. Фото И. Сербова, начало XX века

В других местах сваты не входят прямо в дом невесты, а являются под окошко, в виде подорожных, и просят на ночь. Домашние невесты понимают, конечно, в чем дело: сначала немного торгуются, отнекиваются, говорят, что места нет, а потом все-таки соглашаются пустить проходящих в дом. Там, с согласия хозяев, они располагаются обыкновенно возле стола и сейчас начинают вести приточную речь. Один из них половчее говорит, что «они купцы, и слышали, яко бы в доме есть хороший товар, почему они и зашли посмотреть его и купить». На них, по-видимому, никто из домашних не обращает внимания; хозяин обыкновенно сидит в «куте» (в углу, под образом – самое почетное место в избе), как бы погруженный в какую-то глубокую думу. Его дочь пуще прежнего начинает суетиться около своих занятий, тоже никого и ничего, по-видимому, не замечая. Только в конце концов, когда мнимые купцы, в пояснение своей предыдущей речи, прибавят, что «у хозяина есть молодая, а у них – молодой; что им желательно, чтобы из них была пара одна», дело принимает иной оборот, все оживляется. Сватьям предлагается почетное место, все предлагается к их услугам; невеста, в свою очередь,

быстро исчезает из избы в другую комнату, или даже к соседям. Главное дело сватов расхвалить жениха: они и говорят теперь о его небывалом богатстве, особенном умении работать, неизвестном почете; одним словом, выставляют его с самой лучшей стороны: «Такой, мол, молодец, что за горами, за морями только и речей, что о нем». В заключение просят родителей невесты выдать дочь за их парня.

Обыкновенно невеста поступает в дом родителей жениха; иногда бывает наоборот: когда у родителей невесты большое хозяйство, когда сами они уже почетные старики, а между тем требуется везде наблюдательность, надзор и усердный работник, они в свой дом принимают жениха. Он тогда называется «примаком» и делается полным хозяином.

Расхваливая жениха, сват мимоходом замечает, что ведь у хозяина не все дома, намекая этим на отсутствие невесты. На замечание свата женщины, присутствующие в избе, выходят и стараются заманить сюда невесту. После нескольких неудачных попыток им наконец это удается. При появлении невесты в избе внимание всех обращается на нее. Ставши при дверях в углу (кочережнике), она ни на кого не смеет поднять глаз. Родители советуются между собою. «А що, жёнок? Отдаймо свою Ганночку замуж. Пехай иде межи люды, коли у нас не хоче бути!» – «Нехай ёи Бог благословить и добру долго дасть». – «А що мы, жёнок, дамо ёй?» – «А що ж? Скрыню, пёрыну и корову...» Потом спрашивают более для приличия о согласии своей дочери на делаемое предложение, на что почти всегда слышится один ответ: «Коли хотят того батько и matka, я пойду» (Руда Брестск. уез. Гродн. губ.). Если родители соглашаются, то начинается малое угощение, пьют «первую или малую горелку», «запивают девку». В некоторых местах (Борис. уезда Минск. губ.) хозяйка сейчас же на закуску печет яичницу; если водку пьют все домашние, то яичницу едят только сваты, родители невесты и сама невеста. Закусивши, когда уже и водка, привезенная сватом, выпита, мать невесты берет локоть ($\frac{3}{4}$ аршина) или два тонкого полотна, обертывает им оную бутылку и в таком виде отдает свату (Opis. pow. Boris. S. 331).

Во всяком случае родители невесты просят у сватов маленькой отсрочки, на какую-нибудь неделю, пообстоятельнее подумать о сделанном предложении: в сущности же так делается для того, чтобы показать всем, что девка их – товар непростой, не такой, который сразу отдают, а тем более чтобы потом не сказали и не подумали, будто с ним напрашивались. Этим и оканчиваются собственно «допытины», «малые запоины».

В некоторых местах «допытины», «запоины» совершаются проще. Предварительно переговоривши с родителями невесты, «сваты», запасшись закуской и водкой, в условленный срок являются к ним в дом. Поздоровавшись, садятся за стол. Невеста в это время идет собирать своих подруг, а другой кто-нибудь из хаты отправляется просить на «запоины» крестных родителей и родственников невесты. Когда гости соберутся, подруги вводят в хату молодую со следующей песнею:

А то ж табе Василька (*примерно – имя свата*)
Увядзюнка Агатка;
Кали яё любишь, дай пирог;
Кали ня любишь, то вон за парог;
Ня хвали ее, што у нас быв,
Што нашей Агатки ня злюбав.

(Opis. pow. Boris. S. 289).

Пожатием руки сват приветствует молодую, подает пирог, сыр, жаркое, водку наливает в мису, куда кладет несколько копеек. Подруги молодой собирают все это и вместе с невестой уходят в другую комнату, где взаимно потчуются и поют молодой песни:

Ой гаросе, гаросе!
Сеели цябе хороше,
При лузе, при дарозе,
При битом гасцинцу.
Ай ты, красна Агатка,
Заручили цябе хороше,
При радни и племени,
При радным татечку.

(Opis. pow. Boris. S. 289).

Или:

Приехали заручники:
Чаму яни без дудечки?
Агатка не удавачка,
Захочець пагуляць,
Татков двор ривноваць
Ножками, астрожками,
Чорными чабатами,
З маладыми сватами

(Opis. pow. Boris. S. 289–292).

Поют еще и многие другие песни. Сваты со стороны молодого закусывают в это время с другими гостями и потом расходятся домой.

Редко бывает, что родители невесты отказывают сватам. Они говорят тогда, что дочь их еще молода, что ей не по силам еще «ни воды принеси. ни хлеба замесиць»; что у них нет никакого голубка; или же, в некоторых местах, наливают вином бочонок, принесенный сватами, что служит знаком отказа; в случае согласия бочонок насыпают рожью. Если бы случилось, что отказ последовал уже после «малых запоин», тогда родители невесты обязаны возратить сватам понесенные издержки (20 грошей в Борисовск. уезде). Когда родители невесты дадут свое окончательное согласие, тогда в первое воскресенье отец жениха спешит дать в церковь «па первую заповедь» (оглашение). При оглашении в некоторых местах присутствуют жених и невеста с родителями. Обыкновенно в это же воскресенье вечером бывают так называемая «девоснубы», «влюбины», «злюбины», «оглядины», «смотрины», «великие заручины», «великие запоины», «великая горелка». Здесь в первый еще раз, так сказать, встречаются жених и невеста в настоящей своей роли; теперь поближе они знакомятся, присматриваются друг к другу. Отец придает сыну кого-нибудь из родственников, который называется «дружка», дает им «гостинцы», главным образом водку и «калачи». В некоторых местах к девоснубам готовят нарочно калачи небольшие, в два-три фунта булки хлеба – поболее обыкновенного, и тут предугадывают как бы будущее счастье жениха. Одну из сырых еще булок называют именем жениха. Если во время печения «калач» Ивана или Степана потрескается, значит, и счастье жениха будет непрочным, непостоянным. В противном случае можно быть спокойным относительно своей будущности. Приготовивши все нужное, жених с дружкой отправляются в «девоснубы» (Каменец Брестск. уезда Гродн. губ.).

Полесские крестьяне чистят картошку на пороге дома. С. Василевичи, Речицкий у.

Точно так же, как при «допытинах» сватья, теперь жених с дружкой не входят в дом невесты, а останавливаются у окошка и начинают, что называется, тары-бары: то в виде купцов дружка просит позволения войти в дом переночевать; то, представляя собою как бы заблудившегося с дороги, просит указать прямой путь к известному пункту; иногда же прямо спрашивает: «Чи не маеце целушки да прадажи?» – «Маемо, – отвечает отец невесты, – и просимо вас да хаты». Дружка с женихом входят, крестятся, здороваются и в некоторых местах говорят: «Мы гости присланы, чтоб столы были застланы»; хозяйка отвечает: «А мы гостей принимаем и стол застилаем». Действительно застилают стол, дружка с женихом ставят водку, кладут калачи; все остальное, необходимое для угощения, должно быть приготовлено со стороны невесты.

Сама невеста к этому времени окружена уже бывает особою дружиною, постоянными подругами, известными под именем «большанок», «приданок». Эти подруги придаются невесте сейчас же после «малых запоин», если только последовало согласие родителей невесты на брак. «Большанки», если можно, живут у невесты до времени брака, развлекают ее, помогают ей в приготовлениях к свадьбе, поют разные песни:

Наша, Тациянка, наша,
Паймала сабе пташа,
Да у зяленам жице,
У чирвоным аксамице.

Или:

Ой цёмна, цёмна на дваре,
Ой цямней таго за дваром:
Баяры варота аблягли.

Насыпали золота на скамьи,
Да ходзяць, паходзяць на двору,
Да папросюць Тацянки;
Тацянка татульки прасила:
«Даражи, татулька, даражи,
Да сто чёвонцав запраси;
Тагды мяне маладу атдаси.

На «девоснубы»; кроме дружины жениха, собираются также родные, близкие, добрые соседи, знакомые невесты, и начинается угощение. Угостившись немного, дружка начинает требовать, чтобы невеста уселась возле жениха. Он говорит отцу невесты так: «Свату, за ще мы пьем?» В ответ на это собравшиеся женщины начинают петь следующие слова:

Заручоная Марися,
Заручив си Господь Бог,
И батенько наўперуд,
Заручила си и матюнка...

Или:

Гнися, налицо, гнися,
Ты (*имя жениха*) не журия:
Мы калину наломимо
(*Имя невесты*) намовимо,
С тобою посадимо.

(*Камень Брестск. уезда Гродн. губ.*).

Невеста наконец садится около жениха, и продолжается угощение. По окончании всего гости встают, благодарят Бога, хозяев и расходятся. Невеста в некоторых местах (в других – мать ее) берет одну из бутылок, в которой жених приносит водку, наполняет ее рожью, обвивает утиральником, красным поясом и подает дружку. Этим она заявляет, чтобы у них всего в изобилии так, как полно она насыпала бутылку. Тут же жених с невестой меняются обручальными кольцами. Невеста теперь проводит жениха; за нею идут женщины и поют:

Сонько за хмару заходить,
Молода молодого проводить.

За такую услугу жених дарит невесту деньгами, поцелует, и расходятся. Это «девоснубы», «оглядины», «вторая, или великая, горелка». Теперь отец жениха дает в церковь на другую «заповедь», и родители невесты не могут уже отказать жениху, как могли это сделать после «допытин».

«Девоснубы», равно как и другие свадебные обряды, сопровождаются пением разного рода многочисленных песен, которые желающие могут найти в упоминаемых нами сборниках.

Со своей стороны, как в настоящем случае, так и в других, мы приводим из них только кое-что для примера, или же будем заносить песни, нами собранные и нигде еще не напечатанные.

«Девоснубы» повторяются иногда еще в Четверток перед свадьбой. Тогда они известны в некоторых местах под именем «змовын».

Является жених с родителями и сватами и привозит с собою колбасы, жаркое, сыр, хлеб, водку. Молодой через стол подает руку свату, отцу и матери девушки; невеста делает то же самое и потом здоровается с суженым. Начинается угощение. Сваты пьют между собою; жених, в свою очередь, пьет к невесте. Выпивши, он кладет в рюмку деньги, наливает водкой и передает все это невесте; принявши предлагаемое, она опрокидывает рюмку на стол, берет оттуда деньги, а рюмку снова наливает водкой и, закрыв ее платком, передает жениху. Жених выпивает водку, а невесту дарит деньгами. Назначают членов свадьбы. Молодые вторично меняют кольца, каждый получает свое. Присутствующие поют: «Свекор перепивает, переглядае, чи хороша невеста, чи хороши приборы, чи низкие уклоны» (Срав. Бобровского: Статистика Гродн. губ, 1832. Коревы: Статистика Виленской губ., с. 624).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.